

Вера Перминова

Булавинские хроники

жизнь в удивительной деревне

ПИТЕР

Вера Перминова

**Булавинские хроники. Жизнь
в удивительной деревне**

«Питер»

2012

Перминова В. Н.

Булавинские хроники. Жизнь в удивительной деревне /
В. Н. Перминова — «Питер», 2012

Эта книга – о реально существующей удивительной деревне. В ней всего несколько десятков домов, она стоит в идиллическом месте под сенью глухой тайги, вдали от шумных городов, на берегу сказочного озера и даже без всякой проезжей дороги. Многие полагают, что такая деревня должна быть непременно депрессивным местом с вымирающим населением, о котором только и можно писать унылые рассказы «о былых временах». Так вот, в нашей деревне – молодое активное население, жизнерадостное и упорное в работе. Впрочем, там и раньше народ был – ого-го! Рассказы «о былом» напоминают сказания о разбойниках и чудо-богатырях. А сегодня наша деревня стала самым быстро развивающимся поселением Н-ской области. Как и встарь, ее сотрясают нешуточные страсти, отношения между ее жителями весьма непростые, да и сами они – люди нетривиальные. Эта книга – о по-прежнему великом русском народе, о наших современниках.

© Перминова В. Н., 2012

© Питер, 2012

Содержание

О том, как наша семья попала в Булавино	6
О том, какими были первый булавинский дом и булавинские соседи	13
О том, как упал потолок	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вера Перминова

Булавинские хроники. Жизнь в удивительной деревне

*Я поплыву на парохоме,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком,
Пойду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!*
Н. Рубцов

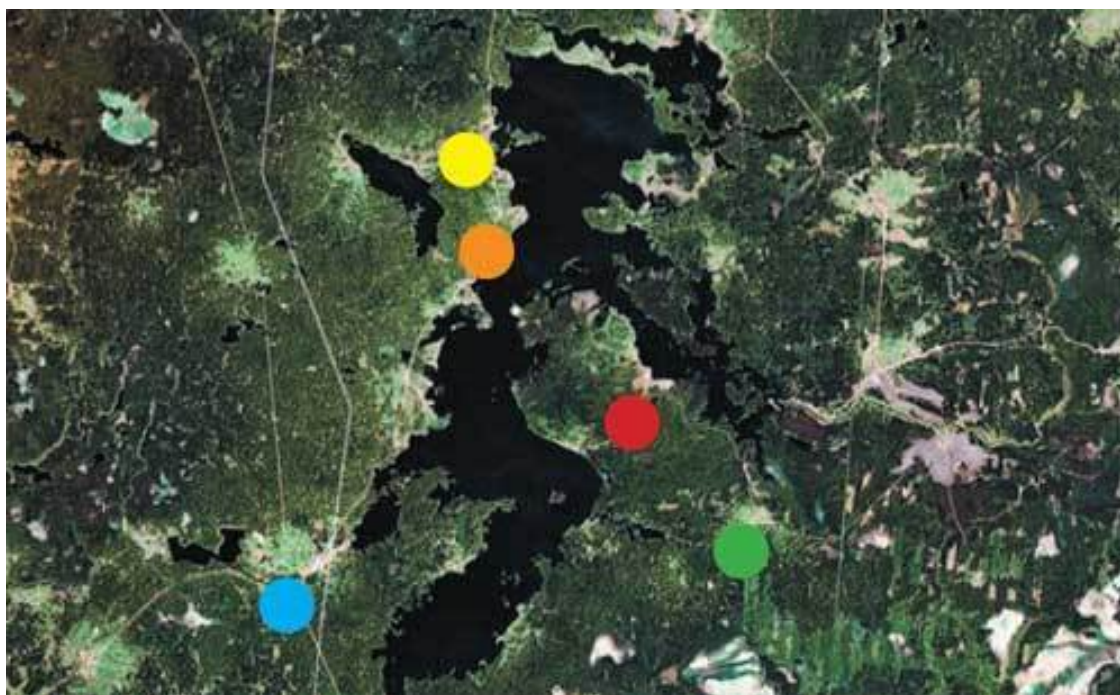
О том, как наша семья попала в Булавино

Впервые в Булавино мы попали в 1976 году. У этого события была своя предыстория. Тем летом, в августе, мне исполнилось шестнадцать лет.

За пару лет до этого ленинградская Пулковская обсерватория, где тогда работал мой дядя Коля Шахтарян, искала место, чтобы проводить какие-то полевые эксперименты в малонаселенной местности. А один тамошний сотрудник был родом или, может, имел родственников на озере Воля в деревне Росинушка и предложил окрестности этой деревеньки в качестве такого полигона, чтобы совместить приятное с полезным – и поработать, и заодно провести лето в деревне своего детства.

Руководство обсерватории предложение приняло.

Таким образом в деревню Росинушка попал и мой дядя Коля. А вместе с ним – один из братьев Стругацких, известных писателей-фантастов (сейчас не помню, какой именно). Этот брат-Стругацкий был писателем-фантастом без отрыва от основной работы, а работал он как раз в той же Пулковской обсерватории. В результате деревня Росинушка на озере Воля неожиданно оказалась всенародно прославленной, потому что попала в один из романов братьев Стругацких «Жук в муравейнике» в качестве модного курорта Будущего.

Вот спутниковый снимок нашего района. Цветными кружочками помечены деревни, упомянутые в рассказе: красным – Булавино, синим – Росинушка, желтым – Задольское, зеленым – Криново, оранжевым – Подорожье. На снимке видно, что кругом озера и сплошные леса темно-зеленого цвета. А небольшие светлые пятна около деревень – это видимые со спутника остатки полей и покосов. Когда-то, еще до войны, почти все окрестное пространство занимали посевные поля. По рассказам старожил, из Булавино было видно Криново, а через поля – другой берег озера. Криново расположено в низине, а Булавино – на горке. Это считалось очень крутым – жить в деревне, стоящей на горке. Булавинские девушки по этой причине якобы отказывались выходить замуж

за криновских парней: мол, не хочу жить в яме. Теперь, конечно, Криново не видно – одни леса. Редкий случай почти полной победы природы над человеком.

Роман, кстати, неплохой, и мне всегда приятно наткаться там на это описание.

Но это все было много лет спустя, а тем памятным летом там, в Росинушке, оказалась часть нашего большого семейства: дядя взял с собой в экспедицию в приятное место жену и детей – тетю Марину и девочку, моих двоюродных сестер – Галинку и Дашку. Увидев, что место действительно отличное, тетя Марина пригласила приехать в Росинушку на лето свою сестру с семьей – мою маму с мужем и детьми.

Так мы все там и скопились – те, кто потом свяжет жизни своих семей с деревней Булавино на том же озере.

* * *

Почему на нашем горизонте появилось Булавино?

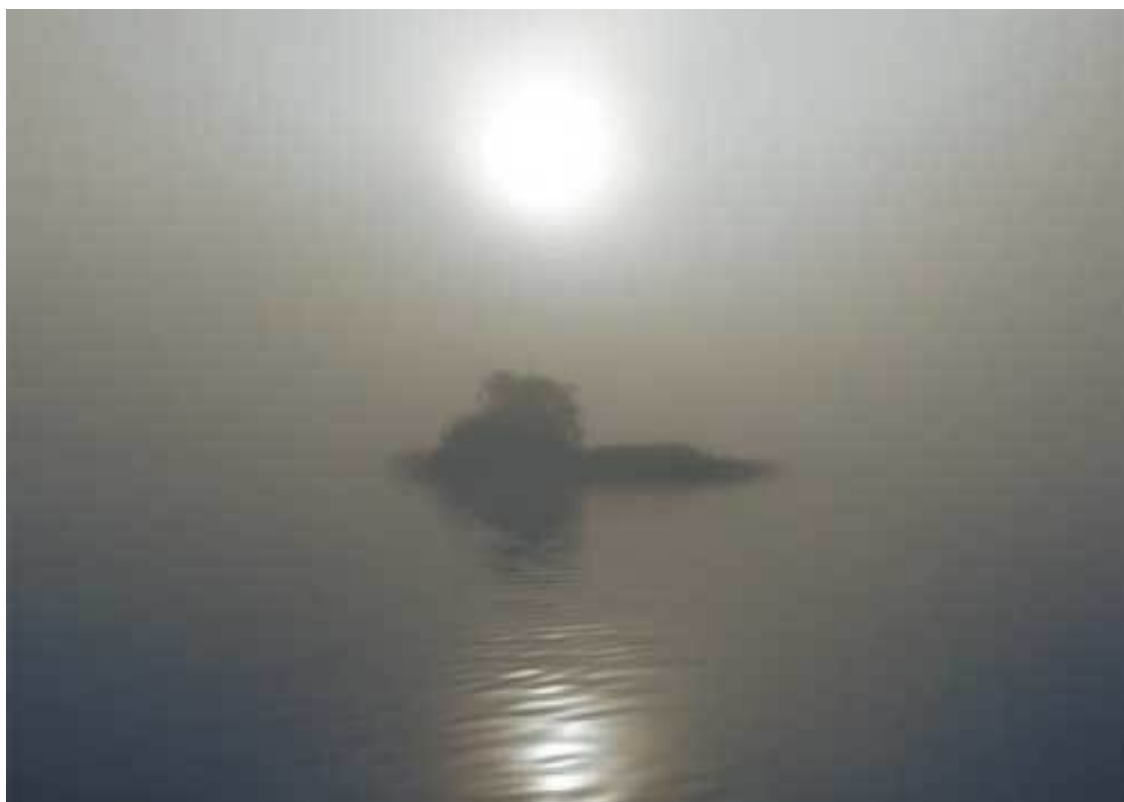
Росинушка считалась по тем временам и для тех мест крупной деревней. Она стояла хоть и не на заасфальтированной, но все-таки на проезжей дороге, и там были почта, магазин и автобусная остановка. Однако пустых продающихся домов в ней не было, и даже снять угол на лето для семьи из четырех человек оказалось не так-то просто. И до озера надо было идти целых двести метров (подумать только!).

Но сама местность, после подмосковных, плотно упакованных десятками и сотнями шестисоточных дачных участков с затоптанными и заплеванными лесами вокруг, показалась нам потрясающе чистой. Удивляли простор, бесчисленные цветы в полях, названий которых мы не знали, да и видели-то большинство из них впервые. Чистейшая вода, чудовищное количество грибов и ягод, практически никого народу (не могут же москвичи всерьез считать крупным населенным пунктом деревню из сорока домов!).

Быстро родилась идея найти пустой дом (не в этой деревне, так в другой, только непременно на берегу озера) и купить. Мы даже ходили искать дом по соседним деревням. Помнится, допели до восхитительной деревушки Подлипки, состоявшей из трех-четырех домов. Возле одного из них на крыльце сидела старая бабка и смотрела на озеро. Мы ее спросили, не продаются ли в деревне дома.

Зеркальная гладь в ясную погоду.

Туман над озером.

– Точно не знаю, милые, может быть, и продает кто! Вон в других-то домах никто не живет... А я одна. В деревне у нас электричество отключено! Уже много лет!

– А что же вы не уезжаете? – спросили мы.

– Да вот, дети зовут, мол, чего тебе тут сидеть, но как же я отсюда уеду? Я вот сижу и смотрю целый день на озеро. А оно никогда не бывает одинаковым. Вы не поверите, но оно каждый день разное!

Я часто вспоминаю тот разговор. Вот уже много лет я живу у этого озера и могу подтвердить: действительно, оно всегда разное!

Однако дом в деревне без электричества мы покупать не стали и осенью вернулись в город.

В том же году, зимой, позвонила Марина и сказала, что выяснилось, будто один человек продает дом на озере Воля, в деревне Булавино, но только туда нет дороги. Проезжей дороги то есть. Надо или идти пешком шесть километров по тропкам через лес от соседней деревни Криново, куда пока еще ходит автобус, или плыть через озеро, если есть лодка. Потому что с противоположного берега озера проезжая дорога есть.

Ну и, разумеется, в деревне нет ни почты, ни магазина. Магазин и почта есть только в этом самом Криново. Но почтальонша иногда ходит, носит газеты и письма. Электричество есть, потому что в этой деревне целых пять семей живут постоянно, и у трех из них даже есть коровы.

Марина предложила купить дом пополам с их семьей. Мы плохо себе представляли, как покупают деревенские дома, и спросили «по-городскому»: какая площадь?

Две комнаты, каждая б х б метров, сени и остатки хлева («двора», как это там называется). И еще сад – двадцать корней яблонь. Ну а точная площадь участка неизвестна – в тех благословенных местах заборов нет, все давно попадали, соседние дома далеко, и можно, как на заре времен, обвести вокруг рукой и сказать: «Вот это все мое!»

Выяснилось также, что законным способом купить дом невозможно. Почему-то советская власть этого не разрешала. Это был какой-то глюк из прошлых времен. Все боялись, как бы кто ненароком не разбогател. Деревенский дом с печкой считался пригодным для постоянного проживания, и, чтобы официально оформить его покупку, надо было выписываться из Москвы, чего, понятно, никто не хотел. Дачные домики на шести сотках запрещалось в те времена строить из хороших бревен и с нормальными печками, и поэтому их можно было иметь параллельно с городской квартирой, а вот деревенский дом никак нельзя.

Что это была за уму непостижимая чушь – до сих пор не понимаю. Я уверена, что если бы советская власть не сходила с ума и не жмотилась для своих граждан в таких вот мелочах, она и не развалилась бы с таким треском через двадцать лет. Даже стройматериалы нельзя было поехать и купить просто так, ну вот доски для ремонта например. Ишь ты, поехать и купить! А вдруг ты возьмешь да что-нибудь себе построишь, без спроса? И на этом разбогатеешь?

И это в стране, где половина населения жила в старых деревянных или кирпичных индивидуальных домиках, где было полно земли и остро не хватало квартир! Придурки какие-то. Вот и довели страну до ручки.

Первое, что люди бросились делать после перестройки, – строиться, как бешеные. Вся страна – сплошная новостройка. Чего другого не сделают, а домик себе отгрохают. Даже в этих Богом забытых местах едешь по разбитым проселочным дорогам – дома стоят через один новые. Я уж не говорю о коттеджном строительстве в Подмоскovie или вблизи других крупных городов.

Ну ладно, это у меня отступление, относящееся к нынешней жизни.

А тогда мои родители приняли решение рискнуть, и дом был куплен за 1700 рублей, отданных под честное слово незнакомому человеку (правда, при свидетелях). Как потом выяснилось, мы сильно переплатили. Хозяин хотел продать его за 700 рублей и пошел к соседу советоваться, как бы половчее это повернуть. Пообещал поставить за хороший совет бутылку. А сосед сказал: проси не 700, а проси 1700. Столько, конечно, не дадут, потому что дом твой

весь гнилой. Но 700 свои получишь. Так он и поступил и, сам не свой от радости, получил все 1700 рублей, потому что мы были людьми неопытными и вообще даже не поинтересовались, гнилой дом или нет.

Закат над озером.

Спуск лодки в шторм.

Итак, зимой покупка состоялась, и летом мы отправились в Булавино.

Состав экспедиции был такой: папа, мама, я (шестнадцати лет), мой брат Вася (двенадцати лет) и мой двоюродный брат Леня, сын папиной сестры (шести лет). Ехали на перекладных. На автобусе до райцентра В., оттуда на местном автобусе до Криново. Оттуда пешком через лес шесть километров до неизвестной нам деревни Булавино, где в первом доме, у некой тети Нины, надлежало спросить ключи от «Нюркиного дома» и сообщить, что мы и есть новые хозяева. Отважные мы были люди, надо сказать! Даже без предварительной разведки поехали.

Вещей с собой тащили чертову прорву, потому как было неизвестно, есть ли в том доме хоть чашка, хоть ложка. Магазины рядом точно нет. Поэтому все волокли на себе. Куча рюкзаков и сумок, которые отец и мать тащили «челноком» по этой шестикилометровой лесной тропинке. Тяжеленный рюкзак у меня (кажется, килограммов двадцать, я чуть не сдохла, пока его тащила), сумка и четырехлитровый бидон с постным маслом у Васи (помню, что он устал и сильно ныл). И даже шестилетний Ленечка нес удочку (удочка ему сильно мешала и быстро надоела, и он тоже канючил).

Уж как мы тащились-тащились через этот лес, до сих пор помню.

В лесу была одна странная встреча. Вдруг из кустов нам навстречу выбежал здоровенный босой мужик. Остановился, поздоровался, сказал: «А, это вы Нюркин дом купили! Ну-ну! А я тоже живу в Булавино, а сейчас бегу в Криново за водкой, пока магазин не закрылся». И с этими словами скрылся снова в лесу.

Вот вид на деревню Булавино со стороны Криновской дороги. Фото современное, и домов, которые видны вдали, тогда еще не было. Они загораживают старые домики, которые мы тогда увидели с этого места в первый раз. Но общее впечатление бескрайнего простора, густых лесов и манящего приюта впереди – то же, что и тогда.

Это был, как мы потом узнали, милейший дядя Никанор, деревенский пастух и вечный трудяга, единственный в то время относительно молодой мужик в Булавино (ему было лет сорок пять, я думаю). Но тогда нам показалось это очень удивительным – бегать через лес босиком за водкой.

Наконец деревья отступили, попели поля. Красота! Озеро уже видно, деревни все нет, да и сил уже тоже нет. Дети ноют, и нам кажется, что мы не шесть километров прошли, а все семьдесят шесть. И вот наконец – деревенская околица и небольшое стадо, вдали темнеет несколько домиков.

Тут мы и рухнули у деревенского забора (он назывался по-местному «изгорода»). Вещи побросали, дети упали сверху.

Мама уже налегке отправилась в деревню искать тетю Нину с ключами и «Нюркин дом», которому предстояло стать нашим родовым гнездом.

О том, какими были первый булавинский дом и булавинские соседи

Дом был очень старый, может, построенный еще до Первой мировой войны (на чердаке было много снарядных ящиков 1914-го года с надписью «Шрапнель» через «ять»), а может быть, и вовсе постройки конца XIX века.

Самый старый дом в деревне. Вернее, такой была одна его комната – задняя, а вторую пристроили после войны, вытаскивая из окопов и собирая с пожарищ полуобгорелые бревна. Крыт был дом, как и многие дома в деревне, старой гнилой дранкой, которая текла во многих местах. Кое-где дранка была наспех прикрыта листьями рубероида, которые ходили под ветром (дранка пружинила), и от этого в крыше год от года образовывались новые дыры.

Таким образом, крыша текла во многих местах, в частности на стыке бревен двух комнат, отчего все там прогнило и вскоре обвалился потолок.

Но об обвале потолка – отдельная легенда. Дом-то стоит до сих пор и не течет теперь, и еще, чай, лет тридцать простоит, если какой-нибудь новый хозяин не примет решение о капитальной перестройке.

«Двор» представлял собой наполовину рухнувший сарай впритык к дому, в котором располагался туалет с выгребной ямой. Бани не было. До берега озера метров сто, сильно под горку. У дома огромный, наверное, двухсотлетний дуб. Прямо за домом проходит задняя «изгорода» деревни и начинаются кусты и поля, поля и кусты. В первые годы нашего пребывания в Булавино в полях еще сеяли лен, потом пошел один овес, потом поля забросили совсем, и сейчас там молодая тайга: как я уже говорила, полная победа природы над человеком.

Вот оно, наше родовое гнездо – «коричневый дом». Фото тоже современное, поэтому, конечно, видно, что дом хорошо отремонтирован. Крыша шиферная и никакой

дранки, обшивка вагонкой, окна – пластиковые стеклопакеты вместо гнилых рассыпающихся рам. Не было также мансарды на чердаке, ставень на окнах, не говоря уже о водопроводе, спутниковой антенне и новых полах и потолках, которые на снимке не видны.

Внутри дома было несколько кроватей, громадная русская печка, которую потом сожгли студенты (тоже отдельная история), какие-то тумбочки, несколько стульев и лавок, а также масса старого тряпья и разнообразного хлама, который пришлось несколько дней вытаскивать, сжигать, а то, что не горело, закапывать. Например, было старых касок на целый полк, несколько ящиков с ДДТ, бухты колючей проволоки и тому подобные странные предметы. Наверное, собирали после войны на полях сражений, а выкинуть это богатство было жалко.

Все искали пулемет или тол, говорят, в таких домах часто находят, но в нашем их не оказалось.

Была масса каких-то странных орудий труда, которые мы не вполне могли опознать: детали от старых прялок и ткацких станков, деревянные штуки, похожие на весла, но не весла (оказалось, они нужны, чтобы белье в озере полоскать не нагибаясь), сделанная из дерева зазубренная стиральная доска (до сих пор храню). Удивительный и очень полезный инструмент, который больше никогда не видела нигде, – «шкуродер»: заостренная металлическая скоба с двумя ручками, чтобы ошкуривать свежесрубленные бревна. Очень ценная штука, им в тысячу раз удобнее работать, чем топором, ножом или еще чем-то.

Первые дни мы занимались освобождением дома от хлама и обустройством. Например, в доме не было стола, и папа сколотил его из каких-то дощечек.

Дощечек, впрочем, тоже не было, и для этого пришлось разломать одну из перегородок в комнате. Учились топить русскую печку. Первые топки были неудачные – идет дым в комнату, и все тут. Уже решили было, что где-то наверху обвалился дымоход.

Пожаловались соседям, с которыми к тому времени уже познакомились. Соседи поохали, говорили, что да, мол, бывает, что дымоход обваливается, но вообще-то печка у Нюрки была хорошая и никогда не дымила.

Кстати, выяснилось, что Нюрка – это не женщина, а мужчина. Не тот, кто нам продал дом, а один из предыдущих хозяев, имевший в деревне репутацию жулика и вора. Впоследствии выяснилось, что репутация такая была им вполне заслужена. Через несколько лет, когда во время ремонта вскрывали полы, в сенях нашли уйму костей. Сначала испугались, что человеческие, но потом, глядь, – бараньи.

Сказали опять же соседям. И тут-то выяснилась вся Нюркина подноготная.

– Ах вот куда много лет пропадали в деревне бараны! – возопили соседи. – А мы-то думали, их волки таскали! Их Нюрка воровал, втихаря съедал, а кости в подпол бросал, чтобы не нашли!

Но это произошло значительно позже, а тогда все твердили, что печка у Нюрки была отличная. Наконец, на каком-то из деревенских сборищ, кажется, в очереди в криновском магазине, одна из бабок задала моему отцу ключевой вопрос:

– Милок, а ты выюшку-то вытащил?

– Какую еще выюшку?

– Ну все ясно!

Магазин чуть не развалился от громового хохота присутствовавших.

– Там над жерлом должна быть такая щель, и в ней круглая выюшка металлическая, перебивающая дымоход. Надо руку засунуть и вытащить. Ее снаружи не видно.

Так оно и оказалось. Мы, городские жители, конечно, об этой выюшке понятия не имели и что там за щель над жерлом, и внимания не обратили – мало ли щелей в старом деревенском доме! Наконец проблема с отоплением была решена.

История о москвичах, которые не нашли в печке вьюшку, необычайно распространилась по окрестностям. Через два года к моим родителям в гости должны были приехать их товарищи по работе – некто Володя с женой. Они ехали со стороны озера Селигер, высадились в Асташкове и стали расспрашивать, каким транспортом можно доехать до озера Волья (расстояние там километров сорок). Нашли попутчиков, выяснили, какой автобус им годится, и стали ждать на автобусной остановке. И вот попутчики-доброхоты заводят с ними обычный дорожный разговор:

- А куда вы на Волью конкретно едете?
- Да там деревня есть на другом берегу – Булавино.
- Ах да, как же, как же, Булавино мы знаем. И к кому же вы туда едете?
- Да там у нас друзья недавно дом купили.
- Ах, так это, наверное, бывший Нюркин дом?
- Да, кажется, они говорили, что именно Нюркин.
- Ах, так это ваши друзья и есть те самые москвичи, что вьюшку в печке не нашли?!..

Первый год после нашего приезда был невероятно дождливый: лило все время. Но мы были счастливы – столько грибов нам даже во снах никогда не снилось. И главное, идти за ними никуда не надо. Прямо за изгородой начинались кусты, просто зараженные малюсенькими подберезовиками и подосиновиками. Чтобы их собрать, приходилось ползать на карачках. Я помню, кроме огромной корзинки я приносила куртку, застегнутую на молнию, с завязанной горловиной, всю набитую только шляпками от молоденьких подосиновиков – шляпку больше пятикопеечной монеты не брала.

Познакомились мы и с местными жителями.

Постоянных жителей было пять семей. Во-первых, пастух Никанор Полозов с женой Ниной, которая была заметной фигурой в местном истеблишменте – бригадиром совхоза. Она была лет на десять старше Никанора, у нее были две дочери, жившие в другой деревне, в Покровье, где располагалась центральная усадьба совхоза, и зять, работавший на молоковозе. В нашей деревне Нина была главным персонажем. Она распоряжалась лошадьми, телегами (принадлежавшими совхозу), имела двух собственных коров с хорошими удоями (одну звали Венерка, как сейчас помню) и тем самым контролировала большую часть молока в деревне.

А молока в деревне обычно не хватало, и был большой вопрос – даст тетя Нина тебе молока или откажет. Нам обычно давали. Приемная у Нины была в сенях и оформлена была напечатанными крупными буквами на белых листах лозунгами текущего момента типа: «Повысим урожайность овсов!» или «Все на борьбу за летние привесы бычков!».

Была она страшная матерщинница и весьма щеголяла этим искусством. Но при этом – человек в целом справедливый и не подлый. Никанор брал на откорм на булавинских полях на лето по сто-двести бычков, и они у него бродили за изгородью деревни в специально разгороженных в лесах выгонах. Основная функция Никанора была – поддерживать эти загоны в порядке, чинить, когда бычки их ломали.

Бычки на сказочных булавинских травах отлично прибавляли в весе, и Никанор хорошо зарабатывал, считался богатым человеком и ценным сотрудником. Правда, деньги, кроме как на водку, куда тратить, не знал.

Известна история, как он решил купить автомобиль. Автомобиль так запросто было тогда не купить. Их «выделяли» в некотором (маленьком) количестве на предприятия страны для поощрения лучших сотрудников, и их дележка всегда была весьма скандальным делом. Например, у моих родителей не было не только автомобиля, но и никакой надежды когда-нибудь его получить.

Так вот, на «наш» совхоз в какой-то год было выделено два «Запорожца». И Никанор возымел намерение получить один из них. Он явился в контору к директору и заявил о своих притязаниях. Его обсмеяли: «Куда тебе „Запорожец“, у тебя и в деревню-то дороги проезжей

нет, не смеши людей!» Никанор был краток. Он свернул свой пастуший кнут в кольцо, швырнул его на стол под нос директору и заявил: «Пасти не буду!» И вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Директор, осознав весь ужас происшедшего, вскочил, бросился за ним следом, с угрозами и прибаутками вернул в контору, усадил как дорогого гостя, и к вечеру «Запорожец» был ему выдан.

Никанор немного на нем поездил и оставил в соседней деревне Криново, где была проезжая дорога. Зимой на санях переправил его в Булавино, где он и остался стоять навеки как наглядное доказательство удовлетворенного тщеславия Никанора. До сих пор еще можно разглядеть в бурьяне ржавый автомобильный остов.

Эту историю я тоже часто вспоминаю, особенно когда на работе сталкиваюсь с тем, что какое-то желание фактически незаменимого сотрудника руководство не хочет выполнить (в том числе мое или моего мужа, который в ряде случаев довольно-таки незаменим). Каждый раз я думаю, что вот ведь рискуют люди попасть в положение того директора, которому бросили кнут на стол и сказали: «Пасти не буду!».

Иногда бывало, что мне приходилось такие сцены действительно наблюдать и впоследствии, но Никанор всегда будет для меня образцом решительности и лаконичности стиля.

При Никаноре и Нине жила их ближайшая соседка, в маленьком домике через дорогу; ее все называли Валюшка Тиркина. Валюшка была довольно пожилая, лет под шестьдесят. В первый год она еще работала в совхозе. Например, однажды мы встретили ее грустно сидящую в лесу на той самой дороге в Криново, по которой невозможно было проехать, у большущей грязевой лужи, что образовалась на месте разлившегося ручья. Бедная Тиркина сидела пригнупившись и опиралась на топор.

Мы спросили, чего это она тут делает. Ответ был весьма неожиданным: руководство совхоза прислало ее сюда в лес одну (!!!), вооружив топором (!!!), чтобы она построила мост через разлившийся ручей. Это у них такое мероприятие по улучшению дорог.

Мы спросили, что же она думает делать? «А что тут сделаешь? Посижу часок, да и пойду домой», – ответила Валюшка.

А обычно Валюшка выполняла роль помощницы Нины как в бригаде, так и по личному хозяйству; своей скотины не держала и была всегда при Нине. Никанор в свою очередь помогал Валюшке за это при заготовке дров и в других мужских работах. В общем, такой вот симбиоз. Все считали Тиркину членом семьи Нины и Никанора.

В стоящем рядом рыженьком доме жила семья тети Нади и ее мужа Макара Ивановича. Тетя Надя еще работала в совхозе, а вот муж ее был уже на пенсии. Они тоже держали огород и скотину, имели живших в городе детей и чувствовали себя вполне независимо. С Ниной, ближайшей соседкой, отношения были весьма напряженными. Кажется, даже не разговаривали. Как они ухитрились работать в одной совхозной бригаде, ума не приложу. Всегда была опасность, что если попросишь молока у тети Нади, то тетя Нина не даст, и наоборот. Впрочем, мы, как новенькие и «не знающие порядков», всегда как-то выкручивались. Например, моя мама придумала посылать за молоком шестилетнего Ленечку, которому деревенские дамы никогда не отказывали, – не вводить же, право, такого мальчика в суть их деревенских раздоров!

Третья семья была весьма замечательной и именовалась «дед Прошка и Молодуха». Жили они в самом большом доме в деревне, в центре; на лето приезжал к ним сын Гриша и несколько дочерей, одна из которых была замужем за азербайджанцем и всегда гостила у родителей вместе с мужем. Однако на зиму все возвращались в город, и старики оставались одни. Они уже были на пенсии и не работали.

Люди они были весьма знаменитые и прославленные в местных легендах. К легендам вернемся позже, они заслуживают специального изложения.

С Ниной и Надей они тоже были в ссоре и не разговаривали. Впрочем, дед Прошка уже почти не слезал с печи от старости и бурно прожитой жизни. Тем не менее, как говорят,

однажды зимой тетя Надя с мужем нанесли им визит на санях (расстояние между домами метров пятьдесят), и поскольку засиделись допоздна и «возвращаться было поздно», то заночевали.

Но это было такое необычное событие, что его несколько лет обсуждала вся деревня, вот и я до сих пор помню.

Четвертой зимовавшей в деревне семьей были Пал Саныч (бывший бригадир) и его жена, совершенно сгорбленная баба Шура, имевшая в деревне репутацию знахарки, гадалки и вообще немного колдуньи. Во всяком случае, к ней ходили, когда болел зуб, и еще помнится, как-то раз кого-то на покосе укусила змея, так тоже к ней бегали.

Жили Пал Саныч с Шурой на отшибе от всех, на самом берегу озера, держали тогда еще корову, огород и пару баранов, ни с кем, кажется, не водились (и были на то причины). Оба пенсионеры, Пал Саныч постоянно ловил рыбу.

Нам надо было ходить к озеру мимо них, и мы всегда считали и их самих, и их дочерей Зину и Лиду очень милыми людьми. Про их бурное прошлое и непростые отношения с соседями мы тогда вообще не знали, да и сейчас знаем только всякие легенды. До сих пор это наши ближайшие соседи (теперь уже, к сожалению, только их дочка тетя Зина). А тогда они пускали нас мыться в своей бане: у нас своей тогда не было, только развалившийся фундамент у «изгороды».

Напротив Пал Саныча стоял странный дом, в котором жил относительно молодой мужик, вечно сидевший на крыльце и никогда ничего не делавший, и древняя старушка, вся сгорбленная, по имени баба Оля, которая целыми днями ходила в лес и на горбу притаскивала небольшие вязанки хвороста, чтобы, видимо, заготовить дрова на зиму. Много ли так можно было заготовить – неясно. Сын ей никогда не помогал.

Мы как-то спросили, почему она не попросит телегу с лошастью у Нины для этой работы. А она ответила, махнув рукой: «Э... Да разве она даст? Скажет: что, колеса ломать?» – и потащила свою связку дальше.

Семью эту постигла страшная и трагическая судьба. Сын у нее, как выяснилось, был сумасшедший. Это уже все произошло при нас, и об этом я расскажу позже, в свое время.

Кроме этих зимовавших семей в Булавино жило довольно много «бывших местных», то есть таких, кто был отсюда родом и обычно проводил в деревне время с мая по ноябрь, но на зиму уезжал в города к родне. Например, были сестра Пал Саныча – Людмила Александровна, бывшая медсестра тетя Аня (совершенно круглая, бойкая старушка, самолично чинившая свою крышу и охотившаяся в лесу на тетеревов с трофейным наганом), странный человек по прозвищу «Прокурор», рассказ о котором впереди, семьи трех сестер, занимавшие поделенный на три отсека дом напротив деда Прошки и владевшие непревзойденными огородами. Жила сестра «Прокурора» Татьяна Прохоровна, некая Валентина Ивановна, долго снабжавшая нас овощами со своего огорода. Может, еще кто-то – я не всех помню.

Кроме того, были дачники – городские люди, купившие местные дома более или менее «на птичьих правах», вроде нас. Их число со временем возрастало.

Каждая семья по-своему интересна и заслуживает отдельной истории.

Я думаю, что будет разумнее рассказывать все местные байки по мере того, как их персонажи будут естественным образом появляться на сцене, а за основу взять рассказ о нашем собственном семействе: как оно укоренилось в деревне, разрослось и сейчас владеет ни много ни мало двенадцатью домами, гостиницей и фермой в благословенном Булавино.

Впрочем, и само Булавино необычайно разрослось. Сейчас там, кажется, около восьмидесяти домов – все время сбиваюсь со счета. Ходят слухи, что оно признано наиболее быстро развивающимся сельским поселением Н-ской области.

Отношения среди местного населения такие же страстно-непростые, как и в былые времена. Жизнь бурлит, и страсти кипят в этом идиллическом месте под сенью глухой тайги, на берегу сказочного озера, вдали от шумных городов и даже всякой проезжей дороги.

О том, как упал потолок

Потолок в доме упал на следующий год в начале лета, когда нас там не было, а жила семья тети Марины и дяди Коли (ведь дом был куплен на две семьи). Причиной падения было то, что многолетние протечки крыши приходились на угол, где сходились внешние стены дома и внутренняя бревенчатая стена, разделявшая две комнаты (так называемая изба-пятистенка).

Весь этот угол сгнил полностью. На верхние бревна стены в этом месте опирался тяжеленный потолок из толстых плах, который для теплоизоляции был сверху, с чердака, еще засыпан толстым слоем песка. В старину так всегда делали в деревнях теплоизоляцию потолка. Другие теплоизоляционные материалы, вроде современной стекловаты или «теплоизола», были недоступно дорогими, да и вообще, мне кажется, их не было в те времена, когда строился этот дом, – чуть ли не в XIX веке. Да и при советской власти, как известно, стройматериалы населению купить было нельзя.

И вот вся эта тяжесть много лет давила на сгнившие бревна, потихоньку прогибая их вниз. Много лет дом стоял необитаемым, а тут появились люди – начали ходить, хлопать дверями, топать, стучать молотками, попели всякие сотрясения и подвижки стен, и наконец конструкция не выдержала.

В сам момент падения в доме находилась моя двоюродная сестра Галинка, которой тогда было лет четырнадцать. Она сидела у окна и мирно читала книжку.

И вдруг увидела, что бревна потолка в клубах пыли начали одно за другим сползать по стене на пол.

Дальше версии расходятся. Сама Галинка утверждает, что успела достаточно спокойно выйти через дверь до того, как потолок рухнул целиком. Однако все остальные члены семьи твердо убеждены, что Галинка выскочила в окно вместе с книжкой. Это убеждение родилось, видимо, из рассказа ее матери Марины, которая была на улице вместе с дядей Колей, когда они услышали страшный грохот в доме. Они, конечно, вспомнили, что в доме осталась старшая дочь, и кинулись туда смотреть, что случилось. Как вышла Галинка через дверь, они, видимо, не заметили (или она все-таки не выходила, а действительно сиганула в окно). Во всяком случае, когда они распахнули дверь, их глазам предстала ужасная картина: рухнувшие в комнату потолочные бревна, пыль столбом и, о ужас, зацепившись за что-то в воздухе, качается один детский резиновый сапожок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.